

УДК 82-31

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-97-107

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА НА ВОЙНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Э.ХЕМИНГУЭЯ И Л. ТОЛСТОГО

Маркушевская Л.П., Процуто М.В.

*Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
190005, г. Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул. д. 5, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье авторы стремятся проанализировать, что сближает двух великих мастеров слова, живших в разные эпохи, на разных континентах, имеющих разное философское мировоззрение и понимание того, как участие в войне влияет на личность и судьбу отдельного человека и целого народа. Исследуются и сопоставляются наиболее частотные стилистические приёмы, используемые авторами (художественная деталь, внутренний монолог, динамика портретного изображения) для более полного раскрытия образов своих героев.

Ключевые слова: внутренний мир, художественная деталь, метафора, динамика портретного изображения, природные явления, внутренний монолог.

THE IMAGE OF A MAN AT WAR IN THE WORKS OF HEMINGWAY AND L. TOLSTOY

L. Markushevskaya, M. Protsuto

*Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
5, 2-th Krasnoarmeyskaya street, St. Petersburg, Russian Federation, 190005*

Abstract. In this article, the authors try to identify what brings together two great writers with such different philosophy outlook, writers who lived at different times in different continents in understanding what war is, how it affects the personality and destiny of a man and a whole nation. The most frequent stylistic devices used by the authors (artistic detail, internal monologue, portrait image dynamics) are examined and compared for more complete disclosure of the images of their characters.

Keywords: inner world, an act, patriotism, character, victory, philosophy, battle, landscape, artistic detail, dynamic portrait, bilingualism of narration, internal monologue.

В XX веке трудно было бы в мире найти писателя, который не обращался бы к теме изображения человека на войне, где проявляются такие человеческие черты характера, как патриотизм и предательство, героизм и трусость, милосердие и жестокость.

Среди выдающихся русских писателей, оказавших большое влияние на процесс развития мировой литературы особое место занимает Лев Николаевич Толстой.

Могучее влияние Толстого, раздвинув границы Европы, пересекая океан, достигло и американского континента. С творчеством Толстого в США начали знакомиться в 80-е годы XIX века. Один из первых пропагандистов творчества Толстого в Америке У.Д. Гоуэллс вспоминает, как по-иному пошёл процесс формирования его мировоззрения после знакомства с творчеством Толстого: «Толстой оказал влияние на меня не только в эстетическом отношении, но также и в этической сфере, так, что я никогда не смогу снова увидеть жизнь такой, какой она представлялась мне до того, как я его узнал» [11, с. 164].

Творчество Л. Толстого, творчество выдающихся русских писателей доказывало противоестественность, беспочвенность теории существования «литературы для литературы», учило относиться к литературе как к оружию в борьбе с социальным злом.

Влияние русских писателей и, в первую очередь, Толстого сказалось, прежде всего, на развитии американского романа. Американский писатель Э. Хемингуэй знакомится с творчеством русских писателей в 20-е годы. В то время он жил в Париже, много путешествовал, жадно впитывая впечатления дня, а ночью перед ним раскрывался «другой мир, который дарил русские (писатели). Сначала русские, а потом все остальные» [9, т. 4, с. 472].

Именно русская литература показала Хемингуэю, как нужно раскрывать правду жизни.

Советские читатели знакомятся с творчеством Хемингуэя в 30-годы. В отличие от зарубежной критики, которая часто подчёркивала, что писатель переживает творческий кризис, совет-

ское литературоведение в основном не разделяло этих взглядов, видя в его произведениях знание жизни, трудолюбие, правдивость изображения.

Хемингуэй, зачастую относившийся к критике весьма неуважительно, ценил советского литературоведа И. Кашкина, считая его своим лучшим критиком и переводчиком.

В Советском Союзе об Э. Хемингуэе написано много, но литературоведами сделано сравнительно мало в исследовании взаимосвязей Хемингуэя и русских писателей, хотя этот вопрос подымался ещё в 30-е годы И. Кашкиным, говорившим о необходимости изучения взаимосвязей Хемингуэя и русских писателей, в частности Хемингуэя и Толстого, Хемингуэя и Чехова [3, № 7, с. 199].

При анализе литературного наследия американского писателя неизбежно стало очевидным влияние русской литературы на формирование его творческого метода, определило связь с творчеством Льва Толстого.

По меткому замечанию Ю. Олеси, «Уже само стремление Э. Хемингуэя разрушить литературные каноны стоит в какой-то зависимости от творчества автора “Войны и мира”». Большой писатель не подражает, но где-то на дне того или иного произведения писателя всегда увидишь свет того, ушедшего. Так порой на дне творчества Хемингуэя видишь свет Толстого – «Казаков», «Севастопольских рассказов», «Войны и мира», «Фальшивого купона»... Если сказать точнее, то этот свет есть любовь Хемингуэя к Толстому» [6, с. 480].

Толстой, как никто, сумел понять и показать духовный мир русского солдата. Автор «Войны и мира» был одновременно художником, историком-ис-

следователем, воплотившим в едином художественном синтезе важнейшие события в истории своей страны.

Э. Хемингуэй, расходясь с Толстым в некоторых философских вопросах, с большим уважением писал о нём как об авторе «Севастопольских рассказов», «Войны и мира», испытавшем на себе все тяготы войны и заставившем его задуматься о том огромном преимуществе, которое даёт писателю военный опыт.

Л. Толстой – очевидец войны, человек, принимавший в ней участие, в своих произведениях развенчивал романтическое представление о войне, показывал войну «не с музыкой и барабанным боем..., а в настоящем её выражении: в крови, в страданиях, в смерти» [8, т. 2, с. 95].

Пройдёт чуть больше 60 лет, и другой 19-летний юноша будет рваться на фронт от газетной романтики войны, чтобы во всём разобраться самому, всё увидеть, всё понять. В санитарном отряде, который США направляли в итальянскую армию, он, увидев бесцельную бойню, не сможет остаться равнодушным к этому преступлению, поведает об этом всему миру.

Оба писателя расскажут о всём античеловеческом, противогуманном, бессмысленном и бесцельном, что несёт в себе война. И для обоих писателей основой их творчества станет изображение в произведениях правды жизни. Они будут писать правду, только правду, какой бы жестокой и страшной она ни была.

«Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красе его и который всегда был, есть и будет – правда», – пишет в «Севастополь-

ских рассказах» Л. Толстой [8, с.110].

Э. Хемингуэй продолжит и разовьёт эту мысль в предисловии к антологии «Люди на войне».

«...Когда хороший писатель творит, у него есть достаточно времени и достаточный кругозор для того, чтобы получилась абсолютная правда» [4, с. 407].

«Севастопольские рассказы», в которых вскрыта бессмысленность войны, и в то же время показаны героизм и самоотверженность русских воинов, послужили Л.Н. Толстому ступенью к народной эпосе – «Войне и миру», изображению войны справедливой во имя защиты родины. Первые произведения Э. Хемингуэя о войне свидетельствовали о сложном пути, пройденном писателем, прежде чем он разобрался в войнах, участником которых был сам. Произойдёт сложная эволюция его мировоззрения от полного отрицания войны после 1914-1917 гг., от образа Джека Барнса («Фиеста», 1926), Фредерика Генри («Прощай, оружие!», 1929) он придёт к пониманию того, что есть войны освободительные, и остаться в стороне от них равносильно преступлению, сделает попытку разобраться в новом участнике войны (Ф. Роллинг «Пятая колонна», 1938) и придёт к изображению войны народной в романе «По ком звонит колокол» (1940).

Антимилитаристский пафос сочетается у Хемингуэя с гуманистическим пониманием того, что бывают в жизни ситуации, когда человек, если он хочет остаться человеком, обязан сражаться на войне, обязан в силу своего внутреннего долга, в силу нравственной ответственности за судьбы Родины и всего человечества.

В романе «По ком звонит колокол» изображён новый герой, участник

справедливой войны, отражены изменения в мировоззрении писателя. Так как именно в этом романе Хемингуэй ближе всего подошёл к толстовской теме народной войны, попытаемся провести некоторые наблюдения над идейной проблематикой и художественными особенностями романов «По ком звонит колокол» и «Война и мир», чтобы выяснить то, в чём проявилась близость Хемингуэя к толстовским реалистическим традициям.

Обоих писателей сближает понимание необходимости борьбы справедливой, реалистичность изображения, преломление событий в истории человечества через восприятие отдельной личности, её рядовых участников, вера в человека, изображение войны народной, войны партизанской.

Оба прозаика противопоставляют в своих романах ужасам войны любовь, дружбу, способность человека сохранять духовное мужество и стойкость в самых неблагоприятных обстоятельствах. Вслед за Толстым Хемингуэй видел основной путь преодоления индивидуалистической замкнутости и психологической обособленности человека в воспитании нравственной ответственности, духовной общности людей.

«Чтобы произведение было хорошее, – говорил Л. Толстой, – надо любить в нём главную мысль. В «Войне и мире» я любил мысль народную». Как «кредо» обоих произведений звучит мысль Толстого о том, что «...личность получает полноту самоосуществления, сливаясь со всенародным действием» [2, с. 37].

Л. Толстой противопоставляет индивидуализму и разобщению стихию общности, при которой каждый до-

полняет другого и все вместе образуют нечто единое. «Должно и нужно защищать Родину от врагов в войнах справедливых, войнах защитнических, но никогда нельзя заставить человека полюбить убийство как ремесло, это противоречит самой сущности человека».

Мучительная борьба происходит в сознании Николая Ростова после поединка с французским офицером. Ростову надолго запомнилось его «...белокурое, молодое с голубыми глазами лицо, не вражеское лицо, а самое простое, комнатное лицо. За что же мне убивать его? У меня рука дрогнула. А мне дали Георгиевский крест. Ничего, ничего не понимаю», – «мучительно» думает Николай Ростов [8, с. 22].

«Война – это гнусность», – говорит Роберт Джордан. Он борется за свободу Испании, выполняет задание командования, но само по себе убийство никогда не радует его, он делает это во имя спасения Республики.

Героям Толстого и Хемингуэя присуща страстная вера в правоту своего дела, в победу над врагом. Андрей Болконский не сомневается в том, что французы будут изгнаны из России, семья Ростовых уверена, что она вновь вернётся в Москву, а героизм солдат и офицеров, батареи Тушина, полков Багратиона, партизанское движение служат подтверждением этому.

Джордан – американец, но он пришёл защищать Испанию, стал антифашистом с тех пор, как понял, что такое фашизм. Он знает, что поражение – это гибель, и если война будет проиграна, тогда не будет ни революции, ни Республики.

Но есть вещи, которые мешают ведению справедливой войны, противостоят народному героизму. Это за-

кулисные интриги в штабе Кутузова, сведение личных счётов генералами, бездарность некоторых полководцев, трусость полковника Миранды, болезненная подозрительность Марти, цинизм штабного офицера и многое другое.

Тяжёлое поражение при Аустерлице помогает Андрею Болконскому понять, что успех в сражении зависит, главным образом, от настроения и духа войска, а не от генералов, составляющих планы сражений.

Глядя на синее небо, Андрей Болконский забывает о человеческой суете, происходит как бы слияние его с природой, появляется вера в счастье, в возможность жизни.

Такое же прекрасное синее небо с плывущими облаками, как символ ещё не познанной жизни, видит и умирающий Эль Сордо. Отряду Глухого пришлось первому принять бой. Гибель неизбежна. Страха нет. Есть только нежелание умирать. Глухой – крестьянин, и в его представлении жизнь связана с такими родными и близкими сердцу картинами: «...Но жить – это значило нива, колеблющаяся под ветром на склоне холма. Жить – значило ястреб в небе... Жить – значило крутые лошадиные бока... и холм, и долина, и река, и деревья вдоль берега, и дальний конец долины, и горы позади» [9, с. 130].

Оба писателя, Хемингуэй и Толстой, умеют передать то, как чувствует умирающий, а не просто описывают его чувство.

В свои последние минуты Эль Сордо знает, что в стволе пулемета ещё есть патроны, и он может стрелять, а у Республики будет меньше врагов.

Раненый Фернандо остаётся под ярким солнцем, расположившись так,

чтобы можно было, стреляя, помочь товарищу.

Мёртвый Ансельмо, чью сущность Джордан с первой встречи определил как «надёжен», кажется ему таким маленьким и старым, что непонятно, как Ансельмо мог справляться с трудными заданиями, стоять в метель на посту.

Героизм Ансельмо имеет нравственный характер. Он перестаёт молиться Богу, считая, что бесчестно в такой ситуации просить что-то для себя. За все время войны Ансельмо молится 2 раза. Первый раз он молится за душу погибающего Эль Сордо, которому не имеет права прийти на помощь, вторая его молитва напоминает молитву Володи Козельцева перед первым боем. И Ансельмо, и Володя не считают себя вправе просить лёгкой смерти для себя. Они лишь просят Бога укрепить их силы, чтобы достойно вести себя во время боя. Ансельмо своим героизмом, честностью, самоотверженностью напоминает Тихона Щербатого и других народных героев у Л. Толстого. Он сознаёт величие дела, в котором участвует, свою роль в нём, так как он и его товарищи не сами по себе, а часть республики.

Американец Роберт Джордан, подобно одному из героев испанских рассказов Хемингуэя и Филиппу из 5-й колонны, прибыл в Испанию, потому что в жизни бывают моменты, когда стоять в стороне – это преступление. Здесь, в отряде, Джордан постоянно ощущает своё единство с миром, нет чувства горького одиночества и потерянности. Человек, участвующий в общем деле, выполняющий трудное задание, должен всё подчинить разуму. Тревога не лучше страха, она только труднее. Джордан выполняет задание командования, но сам погибает.

В романе Хемингуэя, как и в «Войне и мире», гибель героев не придаёт произведениям пессимистического звучания, произведения оптимистичны, дело, за которое борется герой, не погибло, оно находит новых сторонников. Отряд уменьшился, но он уходит и будет воевать, в отряд придут новые люди. К тому же нельзя сказать о Джордане, что он погиб безвозвратно. С отрядом уходит Мария, любимая Джордана, ставшая его вторым «я».

Мария – это продолжение жизни Джордана, его идей, мыслей, желаний. Во имя любви, веры и общего дела Мария уходит с отрядом: это своеобразная победа над собой, трудная и болезненная готовность к жизни, когда всеми мыслями, всеми чувствами она стремится умереть рядом с любимым человеком.

Любовь в романе – наиболее поэтическая и лирическая нота. Она родилась в трудное для героев время, и ей отведено всего 70 часов. Но Джордан знает, что эти 70 часов стоят всей человеческой жизни. Любовь не отделяет его и Марию от мира, любовь помогает ещё острее, ярче воспринимать всё окружающее. Любовь в сознании Джордана неотделима от жизни, всего, чем он дорожил, перед чем преклонялся.

Джордан и Мария находят друг в друге то, что их особо привлекает и чего, возможно, не хватает каждому из них в отдельности. Марию поражает интеллект Джордана, широта его кругозора, богатство духовной жизни. Джордану в Марии дороги её чистота и непосредственность, близость к природе и цельность.

И если Пьеру Безухову нужна была дружба с Платоном Каратаевым, плен,

«опрощение», чтобы лучше понять людей, почувствовать новое, не испытанное им чувство радости и крепости жизни, то у Джордана любовь к Марии, простой испанской девушке, помогает быстрее понять испанских партизан, и чем больше он находится среди них, тем считает их лучше.

Любовь Марии для Джордана – это солнце, осветившее внезапно всё вокруг. Солнце доминирует в произведении, оно просвечивается сквозь деревья, согревает усеянную еловыми иголками землю.

Не в тёмное ничто уходят Эль Сордо и его товарищи, Джордан. Яркое солнце освещает дорогу, по которой движется отряд Пилар, его лучи согревают Марию, уносящую в сердце свою любовь.

Зелёный дуб – этот природный символ в романе «Война и мир» также знаменует возвращение князя Андрея к жизни, к любви. Природа показана не в статике, а всё в ней думает, чувствует, радуется и страдает. Природа в романах Л. Толстого одухотворена, она выражает теснейшую связь с человеком, его настроениями, переживаниями, мыслями.

Освобождающемуся от иллюзий князю Андрею кажется, что от жизни ждать уже нечего, она окончена в 31 год. Позади и мечта о подвиге, и увлечение хозяйством, и женитьба, и военная карьера. Князь Андрей сравнивает себя со старым, обломанным дубом, не желающим ни весны, ни солнца. Неожиданная встреча с Наташей Ростовой заставляет князя почувствовать, что жизнь вовсе не кончилась в 31 год, что нельзя жить, отгородившись от всех, только в своём внутреннем мире. Оживший, залитый солнцем лес

и старый дуб, на котором появились молодые зелёные листья, гармонируют с внутренним пробуждением и обновлением, произошедшим в душе князя Андрея.

Любовь Пьера к Наташе-девочке, Наташе-девушке, вначале неосознанная, затем всё крепнущая, заставляет Пьера полнее ощутить жизнь, своё место в ней, возможность личного счастья. После возвращения с Бородинского поля Пьер духовно меняется, приходит к выводу, к которому ранее пришёл Болконский.

На Бородинском поле Пьер увидел истинный героизм солдат, победителей войны 1812 года. Сопоставляя себя с простыми людьми, Пьер ощущает ложность многих своих прежних убеждений. Простые люди не говорят громких, красивых слов, они воюют, отдают Родине свои жизни. Только один герой в романе достоин величественных, красивых слов – это русский народ, выполняющий свой долг. Такие слова, как «спасение отечества», «священный долг» нужно ставить рядом с этим героем, тогда они зазвучат в полную силу. И для Хемингуэя слова в романе «По ком звонит колокол» приобретают иной смысл. Те слова, которых автор избегал в романе «Прощай, оружие», считая их обесцененными, с новой силой, в новом освещении, с новым смыслом зазвучали в романе «По ком звонит колокол». Слова приобрели второе рождение, нет пустых разговоров, за которыми скрываются наблевшие, невысказанные мысли, нет умалчивания, есть высокая библейская лексика, староанглийское местоимение «thee», торжественная интонация. Уже сам эпиграф настраивает читателя на высокий поэтический лад.

«Если надо, мы выполним свой долг», – говорит Ансельмо, и Джордан, которому высокие слова противны, как и лейтенанту Генри, должен признать, что они отлично звучат по-испански, что словам соответствует дело.

Об этих мыслях, о чувстве долга, которого Джордан не испытывал никогда ранее, мы узнаём из его внутреннего монолога. Одним из первых писателей-психологов, рассказавших миру о движениях человеческой души, мыслях и чувствах, был Л.Н. Толстой, широко использовавший приём внутреннего монолога в своих произведениях. Из внутреннего монолога мы узнаём о горе Наташи после её разрыва с князем Андреем, о силе её чувств и отчаяния, о мыслях и ощущениях Николая Ростова во время Шенграбенского сражения.

Толстой – мастер передачи «смутных» ощущений, тех тревожащих, взволнованных чувств, которые наблюдаются в душе человека или перед принятием важного решения, или в минуту смертельной опасности.

Если в романе «Прощай, оружие!» Хемингуэя мы встречаем небольшое количество монологов (роман в основном построен на диалогах), то в романе «По ком звонит колокол» внутренний монолог – один из основных приёмов психологического раскрытия диалектики души. Герой в романе не только действует, чувствует и воспринимает жизнь, но и даёт действительности общественно-политическую оценку, размышляя о цели жизни. И увеличение количества внутренних монологов идёт от постоянного анализа героем своих поступков, своих чувств, своих слов. Внутренние монологи следуют после каждого разговора с бойцами

из отряда, после распоряжений командования. Из внутренних монологов Джордана мы узнаём о его жизни, о боях в Мадриде, об отеле Гейлорд, о принятии Джорданом на время войны дисциплины коммунистов, как единой партии, достойной уважения.

Иногда Джордан начинает мечтать, как он уедет с Марией в Мадрид и Америку, но тут же обрывает себя, так как мечты расслабляют, заставляют жить далеко отсюда, и поэтому нужно вовремя себя одернуть, точно знать счёт времени, отпущенный тебе на борьбу, на любовь, на жизнь.

Иногда эпическое повествование в романе переходит в лирический монолог, который не обращён к какому-то собеседнику. Джордан общается с Джорданом, иногда спорит с ним, что-то ему доказывает, порицает или хвалит, и переход от *он* к *ты* настолько естественен, что его можно и не заметить.

В последнем монологе автор особенно близко подходит к своему герою, не сливаясь, однако, с ним. Автор на стороне Джордана, его поступка, его решений, но горечь, боль о человеке прорываются в слове *счастье*, наполненном печально-торжественным смыслом, и в том, что этот солнечный, прекрасный день унесёт ещё две жизни. Такое же голубое небо с плывущими большими белыми облаками, которое смотрело на князя Андрея при Аустерлице и на отряд Эль Сордо, видит теперь Джордан.

Автор у Хемингуэя часто близок своему герою, но никогда не сливается с ним в одно целое. Автор знает гораздо больше и о самих событиях, о переходе Андреасом линии фронта, о штабе, о встрече с Карковым, Гольцем. Джордан верит в то, что следующее

наступление будет более удачным, Хемингуэй же знает, что наступления не будет, что война с фашизмом продолжится на европейском континенте. Не все из поколения Джордана доживут до победы, но путь к ней будут прокладывать все они.

Автор и герой в «Войне и мире» тоже не сливаются в одно целое, хотя свои мысли Толстой вкладывает в уста А. Болконского о бессмысленности существования светского общества и в уста Пьера – о простоте и счастье, и в сознание Тушина и Тимохина – о героизме русского воина.

Большое место в произведениях писателей играет и пейзаж.

Роман «По ком звонит колокол» начинается описанием деталей расположения старой и новой лесопилки. Они обрисованы с необыкновенной точностью, ни в чём нет романтизации. За точностью этих деталей стоят жизни людей.

Как и у Толстого, природа у Хемингуэя имеет непосредственное отношение к делам и судьбам людей: туман, поднявшийся над землёй при Аустерлицком сражении, влияет на его исход. Снег, выпавший в горах в мае месяце, демаскирует отряд Эль Сордо, способствует его гибели.

В исследуемом романе Э. Хемингуэй употребил такую последовательность времён, которую позже посчитают «пятым измерением». Действие разворачивается в настоящем времени: «он лежал на земле», в прошедшем: «он был здесь в 1933 г.», в недавнем прошлом – позавчера он разговаривал с Гольцем в штабе и получил приказ. Четвёртое измерение – будущее, условное будущее (поездка с Марией в Мадрид и Америку).

И есть вневременное, вечное, которое звучит уже в эпиграфе к роману: «каждый человек есть часть материка». Переход из одного времени в другое стремителен и незаметен, как и переход от третьего лица к первому. Мгновенность перехода создаёт всё ускоряющийся темп времени в романе.

В конце романа, когда раненый Джордан поджидает врагов, время в его лихорадочном восприятии движется медленно и быстро в восприятии читателей.

Оба писателя – мастера художественной детали, что особо наглядно демонстрируют портреты их героев. Для обоих писателей характерно, что портреты даны не в статике, а в динамике, с изменениями, происходящими во внутреннем мире героев, меняются и их портреты (Наташа Ростова, Мария, Ансельмо).

Одной из особенностей художественного мастерства Л. Толстого в «Войне и мире» является наличие двух языковых планов: русского и французского. Французская речь, введённая в русский роман, помогает воссоздать отношения, характеры, обстановку, дух высшего света.

Две языковые стихии встречаются и в романе Хемингуэя «По ком звонит колокол». Джордан не только говорит

по-испански, но даже думает на этом языке. Иногда мысль высказана по-английски и тут же переводится по-испански. И хотя некоторые критики [10] отрицают глубокое знание Хемингуэем испанского языка, испанизмы в его произведении играют очень важную роль, они усиливают впечатление, передачу национального колорита, дают возможность читателю глубже понять внутренний мир, мысли и чувства героев.

Итак, перед нами два романа о войне. Их авторы показали Человека на войне, этот Человек пришёл на войну в разное время, под влиянием различных обстоятельств, но есть то, что роднит, сближает их: патриотизм, честность, вера в справедливость дела, которому служишь, вера в человеческую личность, проявление в решительную минуту самого прекрасного, что заложено в ней, поклонение только Правде. И в этом младший писатель-американец испытал на себе силу старшего – русского писателя Л.Н. Толстого. «Чем крупнее, чем талантливее художник, тем более активно, критически относится он к достижениям предшественника, тем более способен к творческой переработке этих достижений» [5]. Э. Хемингуэй и был тем художником, который творчески подошёл к великому наследию Толстого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балонина М.Г. Проблема героя в позднем творчестве Э. Хемингуэя (40-50-е гг.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2002.
2. Дневники С.А. Толстой, 1860-1891 гг. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1928. 37 с.
3. Кашкин И. Переключка через океан // Красная новь. 1939. № 7. С. 199.
4. Лидский Ю.Я. Творчество Э. Хемингуэя. Киев: Наукова думка, 1978. 407 с.
5. Неупокоева М.И. Проблемы взаимосвязи и взаимовлияния национальных культур // Взаимосвязи национальных культур. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
6. Олеша Ю. Читая Хемингуэя. М.: Гослитиздат, 1965. 480 с.
7. Оруджева И.Г. Проблема адекватной передачи метафоры Э. Хемингуэя в русских переводах // Молодой учёный. 2014. № 4. С. 1220-1224.

8. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 20 томах. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1962. 95 с.
9. Хемингуэй Э. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М.: Гослитиздат, 1961. 472 с.
10. Borea Arturo. Not Spain but: New-York: Hemingway The Literary reputation of Hemingway in Europe, 1985.
11. Howells W.D. Criticism and Fiction and Other Essays. New-York: University Press, 1959. 164 p.
12. Hemingway E., Kozlenko W. Man at War: The Best War Stories of all the Time. New-York: Crown Publishers, 1942. 24 p.
13. Pheelps W.L. Essays on Russian Novelists. New-York: The Macmillan Co, 1941. 253 p.

REFERENCES

1. Balonova M.G. *Problema geroya v pozdnem tvorchestve E. Khemingueya (40-50-e gg): avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [The problem of the hero in the later works of E. Hemingway (40-50s): abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Nizhny Novgorod, 2002. (In Russ.)
2. Dnevnik S.A. *Tolstoi 1860-1891 gg.* [Tolstoy in 1860-1891]. Moscow, M. i S.Sabashnikovy Publ., 1928. 37 p. (In Russ.)
3. Kashkin I. Roll across the ocean. In: *Krasnaya nov'*. 1939. no. 7. pp. 199. (In Russ.)
4. Lidskii YU.YA. *Tvorchestvo E.KHemingueya* [Works of E. Hemingway]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1978. 407 p. (In Russ.)
5. Neupokoeva M.I. Problems of interrelations and mutual influence of national cultures. In: *Vzaimosvyazi natsional'nykh kul'tur* [Relationships of national cultures]. Moscow, AS USSR Publ., 1961. (In Russ.)
6. Olesha YU. *Chitaya Khemingueya* [Reading Hemingway]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1965. 480 p. (In Russ.)
7. Orudzheva I.G. The problem of adequate translation of E. Hemingway metaphors in Russian translations. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist]. 2014, no. 4, pp. 1220-1224. (In Russ.)
8. Tolstoy L.N. *Sobranie sochinenii v 20 tomakh. T. 2* [Collected works in 20 volumes. Vol. 2]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1962. 95 p. (In Russ.)
9. Kheminguei E. *Sochineniya v 4-kh tomakh. T. 4* [Works in 4 volumes. Vol. 4]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1961. 472 p. (In Russ.)
10. Borea Arturo. Not Spain but: New-York: Hemingway The Literary reputation of Hemingway in Europe, 1985.
11. Howells W.D. Criticism and Fiction and Other Essays. New-York: University Press, 1959. 164 p.
12. Hemingway E., Kozlenko W. Man at War: The Best War Stories of all the Time. New-York: Crown Publishers, 1942. 24 p.
13. Pheelps W.L. Essays on Russian Novelists. New-York: The Macmillan Co, 1941. 253 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Процито Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета;
e-mail: protsuto@mail.ru

Маркушевская Лариса Петровна – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета;
e-mail: Larma2110@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina Protsuto – candidate of Pedagogical Sciences, the head of foreign languages Department at Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering;
e-mail: protsuto@mail.ru

Larisa Marhushevskaya – candidate of Philological Sciences, professor, professor at the foreign languages Department in Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering;
e-mail: Larma2110@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Маркушевская Л.П., Процупто М.В. Изображение человека на войне в творчестве Э. Хемингуэя и Л. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 97-107.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-97-107

CORRECT REFERENCE

L. Markushevskaya, M. Protsuto. The image of a man at war in the works of Hemingway and L. Tolstoy. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2017, no. 2, pp. 97-107.*
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-97-107